

УДК: 111.1

Сидоров А. М.

к.ф.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ ДЖ. ВАТТИМО

Статья посвящена герменевтической онтологии итальянского философа Дж. Ваттимо, основанной на истолковании учений Ф. Ницше и М. Хайдеггера. Оба мыслителя были заняты онтологической проблематикой в современную эпоху заката традиционной западной метафизики и определяли современную ситуацию как «нигилизм». Согласно Ваттимо, идеи великих философов открывают возможность помыслить Бытие не как прочное основание, а как игру интерпретаций в историческом горизонте европейской традиции.

Ключевые слова: онтология, нигилизм, метафизика, интерпретация, традиция.

Центральный философский проект итальянского философа Дж. Ваттимо может быть описан как герменевтическая онтология, которая выступает как онтология настоящего, «историческая онтология нас самих» в терминах М. Фуко [4, с. 322], как философское описание текущей ситуации. Ваттимо анализирует тексты философов, оказавших решающее влияние на сегодняшнюю мысль, прежде всего Ницше и Хайдеггера, и тех, кто подхватывал их проблематику, для того, чтобы дать интерпретацию значения Бытия в настоящий момент. Это также связано и с пониманием значения нигилизма – главной темы Ницше и Хайдеггера – для модерна и постмодерна. Ницше и Хайдеггер настолько изменили современное мышление, что какое-либо понимание текущей ситуации невозможно без герменевтического диалога с их текстами. Характерной особенностью позиции Ваттимо является развитие в его работах того, что можно было назвать продолжением разговора между Ницше и Хайдеггером, в котором он обнаруживает их сущностно общие черты, взаимно корректирует их идеи и выстраивает концепцию нигилизма одновременно в терминах «смерти Бога» и «забвения Бытия». Как поясняет сам Ваттимо: «Если Хайдеггер придает значение Ницше, показывая, что воля к власти – это судьба Бытия (а не чистая игра сил, разоблачаемая критикой идеологии), то Ницше придает смысл Хайдеггеру посредством прояснения того, что судьба Бытия (мыслимая неметафизически) – это нигилизм» [5, с. 20].

Ваттимо читает Ницше и Хайдеггера как, прежде всего, антифундаменталистских мыслителей и доказывает, что нигилизм, который оба сделали предметом своих размышлений, следует понимать в позитивном смысле как ответ на проблемы метафизического фундаментализма, который они диагностировали как тяжелое наследие предшествующей эпохи. Ницше и Хайдеггер едины именно в своих попытках мыслить по ту сторону метафизики, и значение нигилизма сегодня сформировано во многом под влиянием наследия этих попыток. Порывая с точным следованием хайдеггеровскому прочтению Ницше, Ваттимо в своем понимании Ницше избирает интерпретацию, сочетающую Хайдеггера с тем истолкованием, которое дал Дильтей. Если Хайдеггер толкует Ницше в одном ряду с Аристотелем, как онтологического философа, Дильтей прочитал его как культурного критика и «философа жизни». Для обоих интерпретаторов философия Ницше означает конец метафизики, но по разным причинам. Хайдеггер концентрируется на «Воле к власти» для того, чтобы изобразить его последним метафизиком, в то время как Дильтея преимущественно интересовали ранние эссе и афористические работы Ницше, в которых тот критически анализировал историю и культуру. Ваттимо использует дильтеевский акцент на культур-критических работах в качестве корректива к Хайдеггеру, утверждая: ницшевское историческое сознание показывает, что он не собирался давать «новое основание» мышлению или представлять новую метафизическую систему. В своих собственных

толкованиях Ваттимо опирается прежде всего на работы среднего периода, от «Несвоевременных размышлений» до «Веселой науки», демонстрируя как Ницше осуществлял «деконструкцию» метафизики посредством критики культуры, религии и философии, исключая возможность установления нового метафизического основания. Это прочтение направлено против хайдеггеровского изображения Ницше как метафизика, пусть и последнего. Для Ваттимо и Ницше, и Хайдеггер – мыслители конца метафизики, которые стремились найти путь за ее пределы. Ваттимо фокусируется на методе «химического» анализа моральных, религиозных и эстетических идей и чувств, который анонсировал Ницше в «Человеческом, слишком человеческом». Идея философии как химического анализа «состава» человеческих мыслей и верований, «культурной и общественной жизни», в результате которого могло бы обнаружиться, «что и в этой области самые роскошные краски добыты из низменного, презираемого материала» [3, с. 239], является предшественницей более позднего метода генеалогии и деконструкции метафизики. Философия как «химия» показывает, что даже наиболее возвышенные моральные, религиозные и эстетические идеалы производны от материи чувств и переживаний, и этот метод направлен напрямую против философии истоков и оснований. Вместо прочных неизменных основ наших верований обнаруживаются их случайные, преходящие причины в изменчивом потоке эстезиса, и таким образом наша вера в чистоту и божественность этих идеалов оказывается заблуждением. Но – и это решающий момент в прочтении Ваттимо – такие заблуждения не могут быть исправлены обращением к альтернативным истинам и основаниям, поскольку процесс «химического анализа» разлагает не только те или иные истины и основания, но сами понятия истины и основания, разоблачая в них простые желания безопасности или власти. Более того, идея основания, от которого могло бы зависеть истинное знание, зависит от идеи о возможности знать вещи сами по себе, но эта возможность также отвергается Ницше, понимающим «знание» как результат серии метафорических преобразований, которым наше сознание подвергает опыт. Эти серии идут от вещи к ментальному образу, от образа к слову, которое выражает индивидуальное состояние ума, затем к слову, которое установлено социальными конвенциями как «правильное», а затем от канонического слова снова к вещи, которую мы теперь видим в терминах из метафорического словаря, который мы унаследовали. В конце «Человеческого, слишком человеческого» Ницше говорит о *дополуденной*, утренней философии. «Свободные духи... рожденные из таинств утра, они мечтают о том, какое чистое, сияющее, просветленно-радостное лицо может иметь день между десятым и двенадцатым часом – они ищут *дополуденной* философии» [3, с. 489]. Здесь Ницше создает аллегорический образ радости, которую может принести безосновная жизнь «странника». Ваттимо истолковывает эту утреннюю философию как не имеющую никакого иного содержания, кроме ошибок метафизики, но увиденных в свете иной установки. Тот, кто «преодолеет» метафизику, доведя до конца процесс «химического анализа» человеческих идеалов и ценностей, не ищет новых оснований, но видит сущность реальности как сотканной из заблуждений.

Ницшевский отказ от поиска новых оснований для мысли, которые могли бы заменить старые заблуждения, ясно выражен в следующем фрагменте: «Несколько ступеней назад. Одна, несомненно, весьма высокая ступень образования достигнута, когда человек преодолевает суеверные и религиозные понятия и страхи и, например, уже не верит больше в милых ангелочков и в первородный грех, а также отвыкает говорить о спасении души. Достигнув этой ступени освобождения, он должен еще с величайшим напряжением своей рассудительности преодолеть метафизику. Но тогда необходимо обратное движение: он должен понять историческую, а также и психологическую правомерность таких представлений, он должен познать, что величайшая мощь человечеству исходила оттуда и что без такого обратного движения можно было бы лишиться лучших результатов, достигнутых человечеством доселе. – В отношении философской метафизики я вижу теперь все больше людей, которые достигли отрицательной цели (именно что всякая положительная

метафизика есть заблуждение), но лишь немногих, которые спустились несколькими ступенями ниже: ибо существенное заключается в том, чтобы смотреть поверх последней ступени лестницы, а не успокаиваться на ней. Самые просвещенные люди достигают лишь того, что освобождаются от метафизики и оглядываются на нее с сознанием своего превосходства, тогда как и здесь, как на ипподроме, необходимо свернуть с финишной черты» [3, с. 252]. Здесь Ницше обращает внимание на необходимость остаться внутри метафизики, несмотря на то, что заблуждения метафизической мысли стали очевидны. Лестница метафизики не ведет на какой-то более высокий уровень. Ницше оставляет нас с ощущением необходимости видеть жизнь, историю и культуру сквозь призму метафизических ошибок.

Ваттимо связывает эту интерпретацию с поздними работами Ницше посредством антифундаменталистского толкования слов о смерти Бога. Эти слова означают, что у мира нет объективной структуры – это *не* атеистическая позиция, поскольку атеизм означает, что объективная структура мира *есть*, а именно такая, в которой Бог не существует. Смерть Бога – это не объективный «факт»; это историческое событие упразднения веры в основания, истоки и цели, в «высшие ценности» западной религиозной и философской традиции, которой Ницше дает общее название метафизики. Смерть Бога означает пришествие нигилизма, который понимается онтологически и эпистемологически как отсутствие объективной структуры мира и объективных фактов. Это стандартная интерпретация Ницше, особенность же прочтения Ваттимо заключается в выводе о том, что смерть Бога как нигилизм – это условие, которое не может быть устранено. В то время как многие комментаторы Ницше приписывают ему призыв к созданию новых богов и новых ценностей после завершения нигилистического отрицания, таким образом, что это предполагает решительное *преодоление* нигилизма, Ваттимо полагает, что этот ход не соответствует ницшевской мысли. Нигилизм не может быть преодолен, поскольку такое преодоление предполагало бы новые основания. Та стадия нигилизма, которую Ницше называет совершенным нигилизмом, должна быть понята как условие прекращения веры в основания, в том числе и в новые основания. Ваттимо понимает совершенный, законченный нигилизм как онтологический и эпистемологический анти-фундаментализм, который выражен у Ницше утверждениями о том, что не существует «истинного мира» и нет фактов, но только интерпретации.

Ваттимо не только читает Ницше вопреки хайдеггеровской интерпретации, он также читает и Хайдеггера вопреки явным намерениям последнего. Ваттимо полагает, что Хайдеггер может быть понят как такой же антифундаменталистский, нигилистический мыслитель, как и Ницше. Такая интерпретация требует определенных «перестановок» в хайдеггеровском наследии, когда одни аспекты его текстов акцентируются и противопоставляются другим, чтобы показать, что сам Хайдеггер не всегда осознавал все возможные выводы из своих идей. Позиционируя собственную трактовку в пространстве многочисленных толкований хайдеггеровской мысли, Ваттимо полагает, что, как это было в XIX веке с гегельянцами, эти толкования можно разделить на «правые» и «левые». Правые интерпретации сосредоточиваются на хайдеггеровских утверждениях о том, что преодоление нигилизма требует обновленного и более аутентичного отношения человека к Бытию. Нигилизм может быть преодолен путем возврата к Бытию, которое было подвергнуто забвению в истории метафизики. Левые, на стороне которых симпатии Ваттимо, скорее обращаются к указаниям в текстах Хайдеггера на то, что любая попытка вернуться к основанию была бы повторением метафизики, поскольку главное заблуждение метафизики как раз и заключается в понимании Бытия как основания, как устойчивого присутствия. Правые мыслят преодоление метафизики как усилие, несмотря ни на что, каким-то образом подготовить «возвращение Бытия», возможно в форме апофатической, негативной, мистической онтологии. Левые предпочитают видеть историю бытия как история долгого прощания, как неуклонное «ослабевание» бытия. В этом случае, воспоминание о

метафизическом забвении бытия, которое никогда не вернет его, даже в виде идеи, находящейся за пределами всякого определения. Хайдеггер понимал Бытие как событие, которое приводит к присутствию сущее. Поэтому с точки зрения Ваттимо, хайдеггеровская мысль предлагает нигилистическое понимание бытия, в котором оно выступает как ничто по отношению ко всему присутствующему. «Философы-нигилисты – такие как Ницше и Хайдеггер... - пытаются сообщить нам способность улавливать... опыт колебания мира...» [1, с. 18]. Онтологическое различие между Бытием и сущим ведет к утверждению, что Бытия нет. О различных сущих можно сказать, что они есть, но Бытие – происходит, случается. По мысли Ваттимо, мы только тогда сумеем адекватно отличить Бытие от сущих, когда поймем его как историко-культурное событие, как установление и преобразование тех горизонтов, в которых вещи снова и снова становятся доступны для человека, а также и сам человек для себя.

Интерпретация Хайдеггера как анти-фундаменталиста развивается далее через апелляцию к Гадамеру. Хайдеггер и Гадамер – два отца-основателя герменевтической онтологии, которая устанавливает связь между бытием и языком, но природа этой связи понимается каждым из них по-разному. Хайдеггер указывает на важнейшую роль языка в онтологии, в то время как Гадамер скорее выявляет онтологические аспекты языка. В «Истине и методе» есть известная формулировка: «Бытие, которое может быть понятно, есть язык» [2, с. 548]. Ваттимо предлагает ее нестандартную трактовку. Обычная интерпретация этой фразы заключается в том, что бытие превосходит язык, но язык есть часть бытия, которая постижима для человеческих существ. Ваттимо полагает, что это неверное прочтение. Следует предпочесть радикальное отождествление бытия и языка, так чтобы бытие было понято как передача лингвистических посланий через историю. И ничто иное. Такие послания ни в коем случае не являются статичным текстом, значение которого объективно дано. Значение этих посланий должно постоянно истолковываться заново, и именно этот процесс получения и интерпретации посланий конституирует те онтологические «раскрытия», в которых такими или иным образом обнаруживаются вещи. Таков смысл утверждения Гадамера, что в процессе каждой интерпретации субъект и объект изменяются. Для Ваттимо это означает, что не существует объективной структуры бытия; объективное бытие растворяется в процессуальности интерпретаций. Такое прочтение «урбанизирует» и «демистифицирует» Хайдеггера, устраняя из его мысли те аспекты, которые тяготеют к эзотеризму и мистицизму. Когда Хайдеггер говорит о Судьбе (Geschick), каковой оказывается для человека бытийное озарение, то это слово буквально означает «посылание». Мир выступает в горизонтах, образованных сериями эхо, откликов, посланий, которые приходят из прошлого и от других. Бытие никогда не есть, но посылает себя, передает. Нигилистические импликации этой идеи очевидны – бытие, понимаемое как передача языковых посланий, которые открывают интерпретативные горизонты, не может быть мыслимо как присутствующее. Скорее, это эхо прошлого, которое делает возможным настоящее. С точки зрения метафизики, которая полагает бытие в терминах наличия, неизменного пребывания, такое бытие как послание действительно «ничто» - не объективная а-историческая структура, но серия исторических событий, посредством которых язык устанавливает культурные горизонты.

Ваттимо отождествляет метафизическую мысль, которая определяет бытие как неизменное основание с редукцией и насилием. В этом он следует Адорно, который ассоциировал метафизику с обществом тотальной организации, подавляющем всякую «нетождественность», Левинасу, у которого метафизика означала этическое насилие над другим, путем отрицания его инаковости и приведения к тождеству и хайдеггеровскому пониманию метафизики как основы для технологического доминирования над миром. Собственная, специфическая версия этой связи между метафизикой и насилием предлагается Ваттимо с герменевтической точки зрения. Метафизика своим авторитетом прекращает вопросы и устанавливает молчание.

Итак, трактовка Хайдеггера у Ваттимо такова: *преодоление метафизики – это не ниспровержение метафизического забвения бытия. Это само забвение (нигилизм), доведенное до предела.* Так проводится параллель между «совершенным» нигилизмом у Ницше и нигилистической судьбой Бытия у Хайдеггера. Оба доводят нигилистические тенденции до крайней степени и оба проблематизируют возможность новых оснований. Ницше и Хайдеггер сделали больше, чем кто либо, для исчезновения метафизической концепции бытия как неизменного присутствия и основания. Они персонифицируют событие Бытия, когда оно раскрывается как «ослабленное» и, тем самым, открывают новый этап истории, когда нигилизм получает позитивное определение. Но важно отметить, что Ваттимо не считает нигилизм новой формой Бытия и мышления, которая оставляет метафизику позади. Скорее, с его точки зрения, у Ницше и Хайдеггера нет другой темы, кроме заблуждений метафизики, собранных в историческом воспоминании, но в такой установке, которая не является ни критическим преодолением, ни восстановлением и продолжением. Ваттимо заимствует у Хайдеггера два понятия, *Verwindung* и *Andenken*, объясняющих соотношение между метафизикой и нигилизмом. Термин *Andenken*, «воспоминание», мысль-память указывает на такое отношение к прошедшим традициям, которое не просто воспринимает их как статично данное, но интерпретирует из заново в свете сегодняшнего дня. Если Бытие понимать, как историческую передачу посланий, а история Бытия – это история метафизики, то это означает что современная конфигурация Бытия остается обусловленной метафизической мыслью прошлого, хотя и в ослабленной форме. Редко используемый Хайдеггером термин *Verwindung* переводится обычно как «преодоление» и указывает на то, как нужно понимать метафизические послания в эпоху нигилизма. Важно, что это понятие у Хайдеггера является альтернативой преодоления в активно-нигилистическом смысле, то есть, в смысле оставления позади, перехода «через линию» (*Ueberwindung*). В случае *Verwindung* «преодоленное» остается с нами, никуда не исчезая. Это понятие трудно перевести адекватно. Сам Хайдеггер объяснял французским переводчикам, что оно говорит о таком движении вперед, которое одновременно есть приятие и углубление. В немецком оно также имеет смысл выздоровления после болезни, которая, однако, оставляет свои следы в организме. Оно также может означать искажение от *winden* – скручивать. Выздоровление от болезни - от метафизики как наследия прошлого – связано с примирительным осознанием того, что следы болезни нам суждено нести в себе. Эти следы обнаруживают себя в том, что мы не можем отказаться от мышления в метафизических категориях, пусть даже в их искаженной, постметафизической, ослабленной форме, то есть в форме нигилистической. Таким образом, *Verwindung* и *Andenken* означают, что мы связаны с прошлым своего рода герменевтической связью, которую можно ослабить или исказить, но не уничтожить. На первый взгляд парадоксально, Ваттимо истолковывает хайдеггеровское *Verwindung*, преодоление метафизики, как приятие необходимости мыслить в метафизических терминах, но лишенных их наиболее метафизического аспекта – отношения к Бытию как неизменному основанию. Преодоление метафизики в указанном смысле предполагает герменевтическое мышление, исходя из «открытости» Бытия в конкретных исторических горизонтах, чем исходя из прочного основания. Поскольку такой тип мышления менее амбициозен и не претендует на аподиктичность, Ваттимо называет его «слабой, ослабленной» мыслью, соответствующей ослаблению самого Бытия в современную эпоху. Слабое мышление интерпретирует метафизическую традицию как все еще конституирующую наш горизонт, но лишает ее фундаменталистских притязаний. Такое мышление не апеллирует к трансцендентным или трансцендентальным критериям для обоснования своей достоверности, но ищет критерии для предпочтения одних аргументов другим в самой игре интерпретаций.

Литература

1. Ваттимо, Дж. Прозрачное общество / Дж. Ваттимо. – М. : Логос, 2003. – 128 с.

2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г.Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
3. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов / Он же. Сочинения в 2-х тт. – М. : Мысль, 1990. – 829 с.
4. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. – М. : Праксис, 2002. – 384 с.
5. Vattimo G. Nietzsche and Heidegger / Stanford Italian Review 6.1/2. - Stanford: Stanford University, 1986. – 316 p.